

СЛУЖЕНИЕ СМЕРТИ В ФАШИЗМЕ И КОММУНИЗМЕ*

«Выставь на позор фанатические народы, пытавшиеся покрыть позором тех, кто... открывал им истину».

Дени Дидро

1

Коммунизм и фашизм сходны. Эта мысль на Западе, а в последние годы и в нашей стране, стала аксиомой. Можно искать их единство в атрибутике, в способе производства, в формах политического давления и физического уничтожения личности, во внешней агрессивности и внутренней скованности миллионов...

Но нет ли тут более глубинной связи? Духовного, или, точнее, антидуховного родства?

Может быть едина *эстетика властвования*? Да, известное единство есть. Едина приверженность к ясным маршевым и вальсовым композициям,

* Идея эссе и первые 4 раздела были разработаны в соавторстве с Александром Кихно.

лаконичной бравурной кинохронике, ориентация на военизированную молодежь, мыслящую отрывисто и четко, любовь к доступным всем кино, живописи, стихам.

Архитектура, наоборот, не должна быть интимно внятна массе. Она являет мощь нацистской идеи и пролетарской революции. Она призвана подавлять. Так египетские пирамиды подавляют крестьянина и раба. Если живопись, песня, кино должны показать идеал близкий и достижимый – производят идеального Арийца или Пролетария, находящегося *здесь и сейчас* (таков, например, образ Максима из “Юности Максима”), то архитектура изображает диктатора-нацию и диктатора-класс. Они находятся *вдали*, по ту сторону привычного опыта.

Между архитектурой и жизнью, как и положено, застыла скульптура, переводящая единичное в надличностное. Но она, как и живопись, явно антична; архитектура же сориентована на Восток. Туда, где одеты камнем тысячелетия подавления огромных масс людей.

Коммунизм и фашизм совершают мистический прорыв к прошлому восточных деспотий, к их обрядовости и таинствам, вступают с ними в

интимную связь. Связь эта формирует тип вождя и идеолога обеих систем.

Архитектура – это слабость вождей. Их не интересуют сметы и расходы, им нужна запечатленность идей. Они хотят видеть здания-печати и здания-гербы; их точит жажда зданий-памятников; они втайне мечтают о зданиях-усыпальницах для своих женщин. Они не могут быть невнимательны к идеям прожектора, который предлагает грандиозный проект. Очень легко представить голову нацистского гаулейтера или большевистского наркома, участливо склоненную над огромным ватманом или макетом.

2

Но различия разительны. Это факельные шествия, противостоящие первомайским демонстрациям и солнечным парадам на Красной площади. Это монолитный стиль немецких колонн в противовес советской перестройке дружных наций, напоминающий восточный базар. Это черная ээсовская форма, расшитая серебром и увешанная железом – идеал формы, который по способности впечатлять не смог превзойти никто в мире, – и аскетическая красноармейская гимнастерка или

френч, которым погоны добавили разве что некоторой белогвардейской вальяжности, не более. Это военизированные хоры железных девственников и советское сочетание мужских и женских голосов.

Различны ароматы тоталитарности, эстетика несвободы, очертания тотемов. Оскалились друг на друга идеологии – нации – единства крови – и класса – общности мозолей.

Различно отношение к трансцендентному – от полного отрицания его в идее коммунизма до образа прорыва в Астрал через толщу Мирового Льда.

Но для внимательного взгляда различия эти пугающе стекаются в одно русло, чтобы попасть к общему истоку.

3

Этот исток – Смерть и служение ей – *смертослужность*. Она пронизывает обе системы. Как ни странно, именно она их главная задача и высший смысл. Она стоит за утверждающими маршами и преданными глазами остриженной и гладко выбритой молодежи. Она – тайный червь грандиозных планов и проектов.

Проистекает она из замены в обеих системах христианства язычеством. Язычеством столь

древним, что оно имеет аналоги в каннибалистических оргиях и ритуалах палеолитического человека десятки тысяч лет тому назад.

Смертослужность – это привязанность обеих систем к отрицанию христианского бессмертия.

Фашизм и коммунизм – новоязыческие мифологии. Это стержень их агрессивности и жестокости. Нацистская апелляция к Богу не более чем метод борьбы, она носит прагматический характер и привлекается только в годы войны. Вспомним, как в начале ее и Сталин стал заигрывать с православием...

Фашизм и коммунизм есть *неоязычество*. Но их мифология не несет новый творческий прорыв. Это скорее падение, прыжок через тысячелетия культурных эпох к племенному бессознательному с его ритуалами огня и праха, праха и огня, который играет на вымазанной кровью улыбке грубого идола.

Смертослужность означает идею войны и саму войну. Борьба за урожай и культуру, – все это ее выражения. Обе системы стремятся отрицать и убивать. Война и неотвратимая тяга к ней –

метафизический и мистический акт, она вытекает из смертослужности, а не наоборот. Если индивидуального бессмертия нет, то ценность жизни в сгорании.

Создается поколение молодежи, которое призвано сгореть живьем. Факел изображен даже на пионерском значке. Огонь, боль, коллектив и несвобода – вот что окружает юного фашиста или коммуниста с детства.

Они мучают, давят, и фанатизм – единый исход, единое спасение от них.

Фанатизм – пища вождей. Тяга к молодежи, которая учится стрелять, воспитывается для умирания, для несвободы, носит паразитический и вампирический характер. Вожди упиваются несвободой, но им еще нужна и кровь. Это подсознательная жажда помолодеть и властвовать вечно. Молодежь – надежда фюреров и вождей, но они надеются на то, что она будет убивать по приказу.

Неуважение к молодежи, тайная ненависть и зависть к ней – неизбежное следствие идеи смертности души.

Старики Ирод и Пилат тоже ненавидели юного Христа.

В совсем особый цвет окрашена смертослужностью идея тысячелетнего рейха. Дымы крематориев застыт его небо. Багровый отсвет падает на лица белокурых бестий, врубающихся в толщу Мирового Льда.

Величие, блеск, холод...

И порядок бесконечной работы, необозримых пространств, ясных, но жестоких звезд над головой.

И пресыщенность жестокостью.

И Мировая скука.

Смертослужность – это игра и обряд коммунизма. Это – главная площадь страны, превращенная в кладбище. Это институт бальзамирования со своими лабораториями, подвалами, камерами и таинственными ритуалами в них... Легко представляется в одной из келий сумасшедший старик, работающий над проблемой оживления Ленина. Ему не мешают. Сотрудники проходят мимо со страхом и непонятым самим себе почтением.

Они не могут улыбаться.

Они верят.

Во что? Ни один из них не способен ответить на это...

7

Смертослужность – это вертикальная шахта под Мавзолеем, куда должна спуститься мумия Ленина в случае тотальной атомной войны.

На поверхности – мертвая пустыня, выюги ядерной зимы, а она лежит, спокойно, сложив кисти на груди в абсолютной темноте скальных пород и будто чего-то ждет...

Чего?..

Это ужасный и холодный вопрос, как прикосновение мертвеца.

Дрожь пробегает, когда мыслишь о нем, еще страшнее воображать.

Стерильные атеисты вряд ли могли задуматься над этим вопросом, решиться на *это*.

Это более чем почитание памяти мертвого во имя живых.

Это эстетика смерти.

Это спиритуалистическое движение потерянных христианских душ, это замогильная мистика социалистического отечества.

Это пролетарская демонология.

Фашизм знает кости и черепа на фуражках эсэсовцев, горы мертвых и перчатки из дамской кожи. Но в своем служении смерти он не доходит до этого.

Потому ли, что не успел?

8

Служение смерти коммунистическое оказалось сильнее и глубже фашистского. Коммунизм победил не только в силу необъятности просторов России и ее страшных зим.

Победила мифология. На берегу темного озера в подземной битве один демон загрыз другого.

9

Смертослужность коммунизма и фашизма выражается и в доминанте цивилизации над культурой. Тяжелая промышленность, грохот станка, мощь механизма и брони одинаково близки Сталину и Гитлеру. Машинная цивилизация для них – это *магия*, призванная реализовать желания вождей.

Их воля к власти покоится на металле.

Оба они не случайно изгоняют философию, религию, искусство, заменяя их теоретизирующей идеологией и идеологизированным образотворчеством. Им необходимо выдвижение цивилизации на передний план, логическое и образное доказательство ее первенства над культурой.

Для решения этой задачи они порождают систему анти-творчества и плеяду анти-творцов.

И над всем этим – зловещий тотем – мифология отрицания бессмертия.

10

Фашизм и коммунизм уничтожают персонализм христианства, объявляя абсолютностью не личность, а *надличностное*.

Нация и класс бессмертны, но их бессмертие особого свойства – оно основано на постоянном умирании личностного – духовно и физически; оно постоянно требует новых жертв. Это не Бессмертие, как движение в Вечность, а бесконечное *дление*, дурная безысходность, насыщенная безличностными победами.

Апокалиптичность фашизма и коммунизма есть иллюзорная попытка найти *завершение* их пассионарности.

11

Эта пассионарность – явление совершенно особого свойства. Реализованная в фанатизм личностного самоотрицания, и замешанная на идее всеобщего равенства, она была вызвана пробуждением из подсознания призраков древнейшего родового бытия. В нем было все: доминанта Силы над Добром, равенство всех перед Вождем, почетность убийства во имя рода, жесточайший контроль молодежи, безусловное первенство рода над индивидом.

Это пробуждение освободило огромные энергии, которые питали нацизм и коммунизм. Но сами энергии были призраками, они были способны разрушать и создавать лишь механически; они нуждались в личностном творческом порыве, чтобы вампирически терзать его. Уничтожая личность, они погибли сами. Нацизм раньше, так и не сумев создать по этой причине ядерных ракет, коммунизм позже, проиграв экономическое соперничество с Западом.

Породив множество странных и таинственных вещей, фашистская и коммунистическая пассионарность иссякли и вернулись в царство мертвых.

Словно финал фильма ужасов: с первыми лучами солнца демоны возвращаются в ад.

12

Фашизм и коммунизм служили смерти партийно. Но это служение не было явным. Каждая из партий имела эзотерическую стороны.

Освящение смерти, эстетизация страдания движущихся к ней тысяч людей в сталинских и гитлеровских лагерях, поэтика несвободы миллионов “свободных” в царстве тотемов и табу составили тайный подсознательный стержень эзотеризма коммунизма и фашизма.

Экспроприация экспроприаторов или просто евреев – акт самоценный и замыкающийся на себя...

Безусловно, партии создавали перспективы и программы, но лишённые понимания индивидуального Бессмертия, – выражения высшей личностной ценности – программы и перспективы эти теряли реальность под собой.

Партии индивидуально развили свои страны, но эта индустриализация была лишь прелюдия милитаризации; они уничтожили безработицу и навели порядок, но за счет таких страданий и такой несвободы духа, что все их материальные успехи в результате оказались не более чем жалким подражанием процветанию свободных стран.

13

Можно ли считать, что смертослужность является исключительно фашистским или коммунистическим явлением?

Нет. Она проявляется там и тогда, где и когда языческая стихия, стихия примитивного материализма подавляет христианство.

Языческий характер так называемого атеизма очевиден. Вместо Абсолютного Добра как высшей ценности появляются ценности иного характера – *ценности Силы* – Государство, Класс, Вождь. *Воля к возвышению* заменяется *волей к власти*.

Именно языческий атеизм рубежа XVIII – XIX веков породил смертослужный дух XX, родившийся и восставший со звериным оскалом в 1914 году. С этого года смертослужный демон – планетарное явление, мощная стихия нижних слоев ноосферы,

форма ментальности, покрывающая континенты. Первая мировая война – его детство, вторая – бурная юность, будет ли зрелость?..

Сегодня он демон не просто мировой войны, но и Мировой Смерти. Фашизм и коммунизм – его наивысшее выражение – и с угасанием каждого из них он терял важнейшие источники и составные части. Хочется надеяться, что СПИД – его тайное проявление, станет и завершением его, но таким, которое не погубит человечество.

Растущая христианизация мира, единение течений христианства в одно великое целое – надежда на то, что Апокалипсис будет все-таки Светлым.

Христианство есть открытие Вечности как всеединства времен, трансцендентно иной жизни после смерти и Вечной Любви. Смертослужность коммунизма и фашизма начинается с отрицания этих ценностей и, прежде всего, индивидуального бессмертия. Это акт слабости. Это падение ниц. Постигание индивидуального бессмертия есть мужество и неустанная работа духа, его высшее напряжение и оргастический порыв.

Но воля к смерти обеих систем не возникла на пустом месте. Две фигуры, выросшие из атеизма Фейербаха – Маркс и Ницше – породили мифологию смертослужных систем. Они воссоздали, ярко и убедительно, языческую трагичность распада личности, оставив ей гуманную возможность посмертного бытийствования в поступке и артефакте. Они вырастили неязыческое обожествление рода в процессе материального производства и Смертного Сверхчеловека.

Сверхчеловек как смертное существо оказался настолько слаб, что был полностью поглощен стихией рода – рода-нации и рода-класса.

Маркс и Ницше, такие противоречивые внешне, едины внутренней глубинной связью, это сиамские близнецы идеи индивидуальной смертности, ее трагические заложники. Они едины и ненавистны друг другу, как едины и ненавистны друг другу коммунизм и фашизм.

Более того. Фашизм непостижим без Маркса, русский коммунизм невозможен без Ницше.

Вождь класса и партии – о, как посмеялся бы Ницше над ним, представив в качестве

Сверхчеловека! Но невеселым и страшным был бы его смех; он сам породил это унижение... И Марксово родовое, поглощая сверхчеловеческое, порождает плеяду фанатичных последователей.

Они многолики и имя им – легион. Это целое эволюционное дерево со своими дуплами, усохшими ветвями и опавшими листьями.

Линия Плеханов-Ленин – главная из них.

Это ствол.

Ленин есть Идеальный Марксист. Поражают энергия и воля Ленина, его направленность и личная неприязнь к Богу.

Как истинный марксист Ленин пленен родом настолько, что никогда серьезно не понимал Ницше, его трагичности и его порыва. Он никогда не обладал аристократичностью; слова “возвышенность духа” были для него только слова.

Ницше вошел в него через коллективное социал-демократическое бессознательное. Другого бессознательного Ленин не знал...

Есть род-Пролетариат.

Есть род-Династия.

Фейербах, Маркс, Ницше, Ленин, Сталин...

С Хрущева династия обрывается...
Фашизм вместо Ленина-Сталина имеет
Гитлера.
Двухголовая змея...

Почему Фейербах поставлен впереди? Этот остроумный солнечный мыслитель, говорящий о величии человека и безграничности любви?..

Именно он впервые взял на себя труд доказать индивидуальную смертность человека.

1846 год. “Вопрос о бессмертии с точки зрения антропологии”. Великий гуманист Фейербах скрупулезно, пункт за пунктом, подыскивает доказательства ограниченности человека как доказательства *теоретические*. Сейчас мы возвращаемся к одной из самых глубоких истин человеческой истории – трансцендентное недоказуемое и неопровержимое логически. Выбор бессмертия – этико-эстетический выбор, выбор совести. Но тогда, в эпоху мифологизации науки они стали решающими.

Ницше возможен без Маркса. Но ни Ницше, ни Маркс невозможны без Фейербаха.

Его сочинения перекрасили ментальность Европы. Возникает массовая нигилистическая интеллигенция, ищущая смысла лишь во времени, а не в Вечности, в социальном переустройстве, в равенстве бездуховных и смертных. Маркс – один из многих.

Историческое христианство слишком слабо творчески, чтобы дать ответ. Он возникает позже – в русской классической философии – и, прежде всего, в системах Владимира Соловьева и в наибольшей степени – Николая Бердяева, явивших миру вместо безбожного Сверхчеловека, стиснутого рождением и смертью, Богочеловека и Богочеловечество.

18

Перейдя в коллективное бессознательное немецкого и советского этносов, идея индивидуальной смертности стала идеей индивидуального ужаса. Ужас этот – запретный и глубоко спрятан в подсознание. Но этот Глубинный Ужас ворочается там. Это Великое Лихо коммунизма и фашизма.

Оно не дает возможности быть свободным.

Все достижения германского и советского этносов, все личностные победы – есть результат преодоления этого ужаса.

Все они носят христианский характер.

19

Если есть родственная линия, линия клана Фейербах – Маркс – Ницше – Ленин – Сталин, то может ли она иметь продолжение?

Какая сила и воля во Вселенной направляет эту династию?

Не означает ли возможность ее возрождения *абсолютное единение* коммунизма с фашизмом?

Представление об этом столь же ужасно, как и воспоминание о вертикальной шахте под Мавзолеем.

Эпоха Святого Духа противостоит эпохе Подземного Мавзолея.

Каждый из нас делает свой выбор.

1990

